

Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук

© Ю.Д. Гранин

Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия

Исследованы предпосылки формирования и ключевые идеи идеологии постмодернизма, их влияние на трансформацию категориального аппарата социальных наук. Проанализированы философские и методологические основания когнитивно-лингвистического направления в современной социологии, представители которого предлагают отказаться от понятий «группа», «раса», «класс», «нация», «этнос».

Ключевые слова: группа, деконструкция, реальность, класс, нация, этнос

Приступая к исследованию обозначенной темы, необходимо предварительно уточнить используемые понятия. Несмотря на то, что термин «идеология» в научный оборот был введен в конце XVIII в. Антуаном де Траси (одним из последних представителей поколения французских просветителей) и впоследствии активно использовался многими выдающимися философами, социологами и учеными, общепринятого значения это понятие до сих пор не имеет. Аналогично обстоит дело с термином «постмодернизм» — так же, как и «идеология», он ускользает от единственно правильных формулировок.

Не останавливаясь подробно на содержании названных дефиниций, под постмодерном будем понимать историческую эпоху в развитии евроатлантической цивилизации, последовавшую за эпохой модерна. Соответственно, под постмодернизмом будем иметь в виду не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке, философии и др., а общее мировоззрение эпохи постмодерна, т. е. совокупность основополагающих идей (принципов) в сфере познания и отношения к действительности, формирование которых литераторами, учеными, философами и другими интеллектуалами повлекло за собой кардинальное изменение культурного кода евроатлантической цивилизации [1, 2].

В качестве мировоззрения эпохи постмодернизм может быть интерпретирован как тотальная идеология (К. Манхейм), выражающая своеобразие и характер сознания эпохи постмодерна, ее интеллектуальных и ценностных ориентаций.

Характерной чертой идеологии постмодернизма, формирование которой началось в 1960-х гг. на волне кризиса старых либеральных

демократий, студенческих революций в Западной Европе, борьбе за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой, стали стратегические *идеи плюрализма и релятивизма*, поставившие под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна.

Подняв на щит идею равноценности и равноправия всех истин, всех культур и идентичностей, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евроатлантической цивилизации: классическая наука с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям и культура модерна с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. Так, в сфере литературы и искусства в качестве значимых принципов творчества получили распространение идеи фрагментарности, изменчивости, контекстуальности, цитатности, иронии и симуляции. А в социальных науках упор был сделан на отказ от больших нарративов и децентрацию: переход к новой теоретической оптике, характеризуемой отказом от прежних парадигмальных образцов и пересмотром категориального аппарата многих наук, унаследованного из эпохи модерна.

По мнению ряда исследователей, появление в середине 1970-х гг. синергетики (Г. Хакен, И. Пригожин, С. Курдюмов) и фрактальной геометрии Б. Мальденброта, положивших начало мировоззренческому прорыву в способах объяснения природы, являются постмодернистскими по своему духу. Совпадая по времени с понятием ризомы, которое ввели Ж. Делез и Ф. Гваттари, синергетика и фрактальная геометрия вместе с идеей системной организации мира знаменуют качественный скачок в развитии научного мировоззрения, хотя и не являются следствием прямого влияния постмодернистской идеологии. Скорее здесь стоит говорить о взаимовлиянии культуры и науки эпохи постмодерна. Эволюция науки, ее трансформация в постнеклассическую стадию развития с характерным для нее отказом от господствующего представления о мире как о ригидном универсуме, подчиненном сумме неизменных законов, в котором нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности и неопределенности, — результат многих внутри- и экстранаучных факторов.

Научное знание разнообразно и иерархически организовано. Оно развивается таким образом, что некоторые идеи, принципы и методы, зародившись в лоне отдельных наук, затем перекочевывают в другие, обретая междисциплинарный или общенаучный статус. Идея системной организации мира, универсального эволюционизма, коэволюции живой и неживой материи, получающая обоснование в так называе-

мом антропном принципе, универсализация понятия свободы, разрушающая прежнее представление о причинности, — эти и сопутствующие им идеи, обретая статус общенаучных регулятивов, размывают демаркационную линию между картинами реальности, вырабатываемыми естественно-научным, социальным и гуманитарным научным знанием.

Потенциально это создает возможность включить некоторые понятия социальных наук в различные естественно-научные онтологии, и наоборот. Правда, до сих пор этот процесс имеет односторонний характер. Как и прежде, трансформация социального знания осуществляется главным образом за счет «парадигмальных прививок» (В.С. Степин) из сферы наук естественных, традиционно выступающих образцами научного исследования.

На статус лидеров здесь в качестве особой сферы междисциплинарного знания и даже ядра современной постнеклассической научной картины мира в последние годы претендуют синергетика и концепция универсального эволюционизма (универсальной истории). Но начать целесообразно с идеи системной организации социального мира, которая воплотилась в мир-системных концепциях И. Валлерстайна и его соратников — последователей выдающегося представителя школы «Анналов» Ф. Броделя.

Важно иметь в виду, что мир-системная теория предложила новую методологию изучения социальной реальности, отличную не только от господствовавших в западной социологии концепций модернизации, но и от структурного функционализма Т. Парсонса.

Прежде всего Валлерстайн изменил представление о фундаментальных объектах исследования. Он отказался от понятия «общество» и заменил его концептом «историческая система», подчеркивая тем самым непрерывную динамику общественных процессов, их жизненную природу. Отвергая идею монолинейного прогресса и пытаясь историзировать социальные науки, Валлерстайн для характеристики социальных процессов использует категорию «*время-пространство*» (*TimeSpace*), которую выводит из концепции множественности форм исторического времени Броделя и теории стохастического (нелинейного) развития диссипативных структур И. Пригожина.

Исторические системы как фундаментальные объекты исследования Валлерстайн разделяет на две группы: мини-системы и мир-системы (или миросистемы). По мысли социолога, анализу подлежат только мир-системы (*world-system*) — крупные и устойчивые во времени единицы. Мир-система для социолога — «это не просто *мировая система*, а система, которая сама *есть мир* и которая фактически почти всегда была меньше, чем весь мир» [3, с. 211]. Валлерстайн делит мир-системы на *мир-империи* — обширные политические

структуры (например, Египет эпохи фараонов, Римская империя или Китай династии Хань) и *мир-экономики* — неравномерные цепи структур, основанные на торговле и производстве.

Таким образом, созданный Валлерстайном мир-системный анализ основывается на новой научной картине социального мира, вводит новый фундаментальный объект исследования — исторические системы, меняет философские основания социэкономического исследования: онтологические основания его теории представляются сеткой категорий — мир-система, мир-экономика, мир-империя, время-пространство, время большой длительности, ядро, периферия, вековые тренды, геоистория, геокультура и др.

Подчеркивая значимость этого обстоятельства, следует иметь в виду *европоцентричный характер мировой динамики Валлерстайна*, которая плохо согласовывалась с историческими данными, на что обратили внимание последователи линии Броделя в мир-системном анализе — А.Г. Франк и Б. Джиллс. Они выступили против идеи Валлерстайна о зарождении капитализма в Европе и неизменном разделении мира на центр, периферию и полупериферию. Критикуя европоцентризм Валлерстайна, они доказывали, что смещение мировых центров с Востока на Запад произошло в период с 1250-х по 1450-е гг., охватывающий первый вековой тренд Броделя. По мнению Франка и Джиллса, новая европейская капиталистическая система возникла на периферии существующей восточной системы. Эту точку зрения сейчас разделяют многие современные сторонники мир-системного подхода, которые на основе большого конкретно-исторического материала относят существование восточной мир-системы в Средние века и даже в эпоху Бронзового века.

В итоге оформился принципиальный поворот изучения истории человечества как глобальной целостности совсем в другом ракурсе: ракурсе противостоящего евроцентризму нелинейного полицентризма исторического развития, связанного с периодическими смещениями «центров» мировой динамики. В работах П. Абу-Лухода, С. Амина, Э.В. Саида, Б. Тернера, П. Кеннеди данное направление исследований получило название *реориентализма*. Некоторые идеи и результаты этих исследований способствовали уточнению и развитию постмодернистской парадигмы в социальных исследованиях. Следует подчеркнуть, что отказ от идеи европоцентричного линейного прогресса в пользу периодической, но нелинейной смены центров мирового развития был обусловлен *проникновением в «тело» социальных наук идей синергетики* и связанной с ней *концепции универсального эволюционизма (универсальной истории)*.

Эти концепции также оказали значительное влияние на язык современных социальных исследований. С начала 2000-х гг. стало по-

являться все больше отечественных работ, в которых использовались непривычные термины: социальное поле, социокультурные (простые и странные) аттракторы, суператтрактор, репеллеры, ритмокаскады, социальный гомеостазис и многие другие, понятные только узким специалистам. Возник даже термин «социальная синергетика».

По мнению автора статьи, использование языка синергетики продуктивно лишь в рамках построения некоторых моделей, объясняющих, например, кризисные этапы эволюции человечества: демографические, экологические и социокультурные кризисы. Такие модели использовали Н.Н. Моисеев, С.П. Капица и А.П. Назаретян, предложивший гипотезу технико-гуманитарного баланса. Но в большинстве работ использование языка синергетики и понятий концепции универсальной истории малоэффективно из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики [4, с. 27,31], так и парадигмы универсального эволюционизма, которую не без оснований считают метафорой для обозначения традиционной философской проблемы, исследовательским проектом постнеклассической науки, чьи философские и научные основания «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются» [5, с. 6–8]. Неслучайно большинство исследователей продолжают работать в пределах традиционных толкований истории.

Между тем трансформации языка современных социальных исследований связаны не только с использованием идей, методов и категорий из других областей научного знания, но и с собственно постмодернистским поворотом внутри социальных наук. Остановимся на этом подробнее.

Для российских социально-философских и социологических исследований понятие «группа» является базовым. Вместе с тем в зарубежных исследованиях продуктивность использования перечисленных понятий уже давно поставлена под сомнение. В целом это связано с когнитивным поворотом в социальных науках (1960-е гг.), акцентировавшем внимание на определяющей роли субъекта и его языка в процессе познания. В данном случае речь будет идти о влиятельном (но крайне неоднородном) *когнитивно-лингвистическом направлении социального конструктивизма*, поставившего цель подвергнуть критике (путем деконструкции) язык (понятийный аппарат) традиционных исследований классов, этносов, наций и национализма.

Ведущими представителями этого направления являются Р. Брунштейн, Ф. Купер, М. Лавмэн, П. Стаматов, Д. Лэйтон и некоторые другие авторы. Их работы оказали значительное влияние на отечественных исследователей (В.А. Тишкова, В.С. Малахова и др.), которые призывали отказаться от понятий этносов и наций, предлагая понимать их не иначе как категории политической практики, использу-

емые националистами для достижения своих целей. Этот взгляд разделяют редакция и авторы влиятельного журнала *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве», считающие, что в дискурсе об империи и национализме существует устойчивый миф: эссенциалистское представление о реальном (а не дискурсивном) существовании империй, наций и национализма. Следовательно, полагают авторы, *необходима деконструкция понятий «империя» и «нация» как аналитических категорий, знаменующая собой эпистемологический поворот — переход к новой оптике: парадигме стратегического релятивизма»* [6, с. 412].

Какова же эта новая теоретическая оптика? Чтобы ответить на данный вопрос, имеет смысл обратиться к идеям Р. Брубейкера, К. Вердери, Ф. Купера и их последователей, сосредоточившись на философских основаниях и методологии их подхода к интерпретации социальной реальности, концентрированно изложенным в сборнике статей «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» [6] и коллективной монографии «Этничность без групп»* [7].

Если попытаться выявить философские основания подхода Брубейкера к пониманию социальной реальности, то они сводятся к *интерпретации социального мира как процесса и результата предметной и языковой деятельности индивидов, в котором нет ничего «ставшего»* — все находится в изменении, в том числе этнические группы и нации, которые современные школы социального анализа, тем не менее, продолжают трактовать как сущности и оценивать как деятелей.

Главным заблуждением школ социального анализа, по мнению Брубейкера, является концепция реализма группы, которая считает нации и этнические группы реальными сущностями, действительными, длящимися во времени коллективами с четко очерченными границами. Согласно ей, «социальный мир состоит из внутренне гомогенных и внешне отграниченных культурных блоков, подобно полотну Модильяни... На мой взгляд, это видение социального мира, стилизованное под полотно Модильяни, является глубоко проблематичным. Этнические и национальные блоки сложно представить себе как внешне резко отграниченные и внутренне культурно гомогенные блоки» [6, с. 65]. Действительно, в современности за редким исключением многие этнические и национальные группы расселены за пределами политических границ, продолжают бороться за пересмотр этих границ, используя «право на самоопределение». Более того, за исключением изолированных племен, нет ни одного народа, сохра-

*При этом только четыре из восьми статей книги написаны собственно Брубейкером. Остальные написаны в соавторстве с Ф. Купером, М. Лавмэн и П. Стаматовым, Д. Лэйтоном и М. Файшмидт.

нившего в первоизданном виде свою антропологию и культуру ввиду завоеваний, миграций, аккультураций, смешанных браков. Но указать на это очевидное эмпирическое несоответствие реального положения дел гомогенизирующему содержанию понятий «этнос» и «нация» недостаточно. «Для того чтобы оспорить карту Модильяни (т. е. теоретическую картину социального мира, используемую сегодня социальными науками — Ю.Г.), необходимо подвергнуть прямому сомнению групповую социальную онтологию, на которой основывается эта карта» [6].

Фактически Брубейкер предлагает отказаться от всех категорий социальных наук (расы, этничности и др.), которые образованы из веры в онтологию группы. По его мнению, не только в обычном разговоре, политическом анализе, медийных новостях, но «даже во многих конструктивистских академических работах повествования об этническом, расовом и национальном конфликте обычно фреймируются в группистских терминах как битвы между этническими группами, расами и нациями» [7, с. 25]. Между тем, продолжает Брубейкер, использование категорий «раса», «нация», «этнос» есть результат некритического использования в науке категорий здравого смысла, которые в действительности являются инструментами примордиализма участников или психологического эссенциализма действующих лиц этнических конфликтов. «Они часто воспринимают этнические группы, расы и нации как действующих лиц (героев и мучеников) соответствующих столкновений. ...Но мы, — пишет Брубейкер, — не должны некритически принимать категории этнополитической практики в качестве собственных категорий социального анализа» [7, с. 27].

Разумеется, не должны. Однако как отличить категории практики (народной социологии) от категорий социального анализа и — шире — категорий науки?

Надежного критерия Брубейкер не дает, хотя обращает внимание на то, что категории этнополитической практики (этничность, раса, нация и др.) осознанно используются дельцами от этнополитики и, соответственно, имеют *перформативный* характер. «Говоря о группах, они хотят вызвать их к жизни, мобилизовать их... Овеществляя группы, трактуя их как субстанциальные вещи-в-мире, деятели в сфере этнополитики (представители государства, неправительственных организаций и движений — Ю.Г.) могут внести лепту в производство того, что они описывают или провозглашают» [7, с. 27, 28]. Именно в овеществлении групп, продолжает Брубейкер, «ки заключается бизнес деятелей на ниве этнополитики. Когда им сопутствует успех, политическая фикция единой группы может получить недолговременную, но мощную практическую реализацию» [7, с. 28]. Уче-

ные-аналитики должны объяснить, как, какими способами формируется это недолговременное «кристаллизованное чувство группы», но сами овецивать группы не должны. *«Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности..., но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах* (курс. авт. — Ю.Г.)» [7, с. 29].

Таким ключевым и разукрупненным термином, фиксирующим внимание на событийном характере социальной реальности, Брубейкер предлагает считать групповость — понятие, которое должно заменить исследователю эссенциалистский термин «группа». Точно так же вместо понятий «этничность», «нация» и «раса» следует использовать термины «этнизация», «национализация» и «расисизация», подчеркивающие процессивный характер этих социальных явлений.

Развернуто и подробно представлен разукрупняющий подход Брубейкера в его совместной с Ф. Купером статье «За пределами идентичности» [7, с. 61–126], где авторы призывают заменить понятие идентичности (связанное с идеей постоянства) тремя группами терминов. В качестве таких терминов предлагаются понятия «идентификация», «категоризация» (человека другими людьми и государственными институтами), «самопонимание», «общность», «связанность» и уже упомянутое «групповость» [7, с. 89–101]. По мнению авторов, они более приспособлены для анализа сложной и текучей социальной реальности, чем многозначное, размытое понятие идентичности.

Разумеется, деконструкция и сопутствующее ей уточнение языка дисциплин, изучающих становление и эволюцию больших и малых социальных групп, само по себе не может вызвать возражений. Тем более, что Брубейкер и его последователи на конкретных примерах демонстрируют эвристическую ценность новых терминов. Так, понятие *категоризации* фиксирует весьма важный и зачастую неосознаваемый момент повседневной практики: *навязывание людям государственными институтами их социальной (этнической, классовой и др.) принадлежности*. Инструментом такого навязывания служат государственные «переписи» и записи в паспортах, которые в периоды социальных напряжений и войн могут стать аргументом для переселений и депортаций. Тем не менее аргументация необходимости отказа от традиционных, широко используемых понятий уязвима с точки зрения истории и философии науки.

Брубейкер неявно исходит из односторонней детерминации социальных наук общественной (прежде всего — политической) практикой, формирующей «народную социологию», откуда будто бы научная социология некритически заимствовала понятия «расы», «нации», «класса» и другие «группистские» термины. Но относи-

тельную самостоятельность и обратное влияние науки на социальную практику автор не учитывает.

Например, термин «раса» возник еще в XVIII столетии отнюдь не в рамках народной социологии и не является только продуктом европейских колониальных практик, а появился в границах физической антропологии, которая, испытав на себе влияние культурных смыслов, тем не менее зафиксировала объективные антропологические различия между людьми. Цвет кожи, особенности строения тела, обменных процессов, наследственности — эти и другие физиологические различия имеют объективный характер и ученые-антропологи, признающие, в отличие от Брубейкера, биосоциальный характер природы человека, данные различия учитывают [8]. *Так что «раса» была и остается компонентом научной (антропологической) реальности и отказываться от него только потому, что его используют дельцы от политики, наука не спешит.*

Примерно так же обстоят дела с терминами «класс» и «нация». Если термин «класс» был введен в научный оборот в XIX в. историками эпохи Реставрации и затем активно использовался в классическом марксизме (откуда и проник в политический язык и социальные практики), то понятие «нация» имело более сложную судьбу. Как и многие понятия разных наук, оно действительно было заимствовано из обыденного, и в частности политического, языка, со временем обретая в новых теоретических контекстах новое содержание и новые смыслы. И в этом нет ничего удивительного. Многие понятия наука заимствует из повседневного лексикона и из социальной практики, наделяя их, разумеется, новым содержанием, которое со временем уточняется. *Так что аргумент о том, что надо избавляться от категорий практики в социальном анализе, не является вполне убедительным, ибо, попав в тело науки, эти понятия переосмысляются.*

Так, в частности, произошло и с понятием «нация». Если раньше оно действительно интерпретировалось в группистских терминах, то в современных исследованиях, обращающих внимание на то, что принадлежность к нации определяется человеком в процедурах самоидентификации, понимается не как «группа», а как «социальная общность», т. е. связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего, *социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве.* Государство совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и государственной системы образования формирует у людей воображаемый ими образ нации (России, Франции и т. д.) и гражданское сознание, которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями.

Возможно, понятия «нация» или «этнос» не имеют высокой инструментально-аналитической ценности. Но это не повод от них отказываться. Они могут быть продуктивно использованы в междисциплинарных концепциях большой степени общности. Тем более не следует квалифицировать их как фиктивные понятия, созданные исключительно в процедурах культурной репрезентации социального мира.

Этот вывод следует из статьи Брубейкера «Этничность как познание» [7, с. 127–167], которая имеет большое значение для понимания собственно эпистемологических и методологических оснований позиции Брубейкера. *Эти основания можно охарактеризовать как когнитивно-лингвистический конструктивизм и релятивизм вместе с методологией инструментализма.* Они позволяют автору не только «объяснить упорное отстаивание группизма на практике», но и «закладывают серьезные основы для трактовки расы, этничности и национализма как совместных, а не отдельно взятых субобластей» [7, с. 128].

Общим для этих совместных субобластей исследования оказывается взгляд, согласно которому «расовые, этнические и национальные группы следует трактовать не как субстанциальные сущности, а как коллективные культурные репрезентации, как широко распространенные способы рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира» [7, с. 152]. Эпистемологическая подоплека этого взгляда состоит в «переносе внимания аналитиков на “создание групп” и “группирующие” деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация» [7, с. 153]. Именно эти когнитивные процедуры — и прежде всего категоризация населения, осуществляемая спонтанно индивидами, государствами и организациями, — создают группы и приписывают к ним членов. И вне этих многочисленных и повсеместных актов категоризации группы не существуют. «Раса, этничность и национальность, — утверждает Брубейкер, — существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях — и только через них. Они не вещи-в-мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» [7].

Это очевидный субъективизм и психологизм, хотя Брубейкер это отрицает, ссылаясь на связь того, что происходит в головах людей, с тем, что происходит публично. Его подход есть «попытка мыслить реляционно, а не субстанционально» [7, с. 155]. *Но главное — он не видит связи между онтологией и эпистемологией в научном познании, противопоставляя онтологическую и эпистемологическую реальности.*

Между тем связь онтологии и эпистемологии в науке осуществляется через субъект-объектную оппозицию, в пределах которой утверждения о независимом существовании внешнего исследователю объекта имплицитно подразумевают постулаты о способах этого су-

ществования и познаваемости мира. С точки зрения науки Бытие (природа и социальный мир) объективно и непреложно. Но оно не дано человеку помимо его собственных, в том числе интеллектуальных усилий. Впервые этот парадокс сформулировал Р. Декарт в своем знаменитом высказывании *Cogito ergo sum*, смысл которого не в том, что мышление продуцирует Бытие из самого себя, а в том, что оно каким-то глубинным образом сопричаствует Бытию и в той или иной мере удостоверяет Бытие для нас. Впоследствии эта интуиция получила определение диалектического единства онтологии и гносеологии. Но вопрос о познаваемости мира, центральным моментом которого является вопрос об истинности знания, Брубейкер не обсуждает, предлагая лишь мыслить реляционно и воевать с ветряными мельницами наивного реализма.

Разумеется, протест Брубейкера против наивного реализма и отмечаемая им зависимость содержания знания от языка исследования, испытывающего влияние культурно-исторического и социального контекста, не могут вызвать возражений. Социальная реальность действительно конструируется не только посредством образующих теории и парадигмы категориальных сетей и методов исследования, но и в процессе нагруженных культурными смыслами восприятия и вербальной активности субъекта.

Констатация этого обстоятельства не снимает, а лишь актуализирует вопрос о наличии некоторого независимого (объективного) от субъекта содержания научного и вненаучного знания. Именно эту проблему осознанно не принимают во внимание сторонники когнитивно-лингвистической версии социального конструктивизма, придерживающиеся в зависимости от предпочтений, релятивистской, конвенционалистской или прагматической концепций истинности социального знания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления. *Век глобализации*, 2014, № 1, с. 90–103.
- [2] Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание. *Свободная мысль*, 1994, № 2–3, с. 39–46.
- [3] Валлерстайн И. *Миросистемный анализ: Введение*. Москва, Территория будущего, 2006, 248 с.
- [4] Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола»). *Вопросы философии*, 2007, № 9, с. 3–37.
- [5] Казюгинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма. *Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы*. Москва, ИФ РАН, 2007, с. 4–32.
- [6] Герасимов И., Могильнер М., Семенов А., ред. *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. Москва, Новое издательство, 2010, 428 с.

- [7] Брубейкер Р. *Этничность без групп*. Москва, Издательский дом ВШЭ, 2012, 408 с.
- [8] Гранин Ю.Д. Расовый плюрализм в эпоху постмодерна. Проблемы и перспективы. *European Journal of Philosophical Research*, 2017, № 4, с. 11–22.

Статья поступила в редакцию 03.05.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 5.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-5-526>

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

Post-modernism ideology and its influence on the social sciences language transformation

© Yu.D. Granin

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(RAS Institute of Philosophy), Moscow, 109240, Russia

The article investigates prerequisites for the establishment and fundamental ideas of the post-modernism ideology as well as their influence on the transformation of the social sciences discourse. We analyze philosophical and methodological underpinnings of the cognitive- linguistic direction in contemporary sociology. The representatives of this direction propose to dismiss the notions “group”, “race”, “class”, “nation”, “ethnos”.

Keywords: *group, deconstruction, reality, class, nation, ethnos*

REFERENCES

- [1] Granin Yu.D. *Vek globalizatsii* (Age of globalization), 2014, no. 1, pp. 90–103.
- [2] Granin Yu.D. *Svobodnaya mysl — Free thought*, 1994, no. 2–3, pp. 39–46.
- [3] Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press, 2004, 109 p. [In Russ.: Wallerstein I. *Mirosistemnyj analiz: Vvedenie*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, 248 p.].
- [4] Lektorsky V.A., Stepin V.S., Pruzhinin B.I., Arshinov V.I., Kiyaschenko L.P., Svirsky Ya.I., Mamchur E.A., Budanov V.G. *Voprosy filosofii — Problems of philosophy*, 2007, no. 9, pp. 3–37.
- [5] Kazyutinskij V.V. Epistemologicheskie problemy universalnogo evolyutsionizma [Epistemological problems of the universal evolutionism]. *Universalnyj evolyutsionizm i globalnye problemy* [Universal evolutionism and global problems]. Moscow, the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 4–32.
- [6] Gerasimov I., Mogilner M., Semenov A., ed. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in investigating the empire and nationalism]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2010, 428 p.
- [7] Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Harvard University Press, 2004, 296 p. [In Russ.: Brubaker R. *Etnichnost bez grupp*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012, 408 p.].
- [8] Granin Yu.D. *European Journal of Philosophical Research*, 2017, no. 4, pp. 11–22.

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Leading Research Scientist, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS Institute of Philosophy).
e-mail: mailly-granin@mail.ru